

ЭМИГРАЦИЯ СОВЕТСКИХ ЕВРЕЕВ: ИСТОРИЯ ДВУХ СЕМЕЙ (из архива И. И. Еренбург)

Публикуются письма, свидетельства реальных лиц, позволяющие лучше понять причины эмиграции и проблемы соотечественников за рубежом, почувствовать глубокие перемены в жизни наших сограждан, оказавшихся иностранцами.

Ключевые слова: эмиграция советских евреев; российское зарубежье; Израиль; адаптация эмигрантов.

Анализ круга архивных источников, вовлеченных историками-эмигрантоведами в научный оборот, показывает: практически всеми исследователями используются лишь документы из фондов официальных архивохранилищ. Ведущие рецензируемые отечественные журналы в области архивного дела также отдают предпочтение лишь документам Архивного фонда РФ, т. е. документам, являющимся неотъемлемой частью историко-культурного наследия народов России. Таким образом, резервы источников, хранящихся в личных и семейных (домашних) архивах, остаются неиспользованными. Представляется, что такие источники могут иметь не меньшую ценность в сравнении с документами личного происхождения, принятыми на государственное хранение. Подтверждением этого тезиса служит подборка писем наших соотечественников, выехавших на проживание в Израиль, почерпнутая нами из личного архива жительницы Екатеринбурга И. И. Еренбург.

Инесса Иосифовна Еренбург родилась в 1941 г. в Свердловске. В 1964 г. окончила строительный факультет Уральского политехнического института. Инженер. Работала в Уральском отделении Всесоюзного научно-исследовательского института проектирования теплоэлектростанций. С 1998 г. — пенсионер. Как писал о ней драматург В. Балашов, у И. И. Еренбург «дар общения с людьми и дар эпистолярной переписки. Энергия ее общения с далекими адресатами не может не изумлять. Инесса Еренбург ошеломляет своим неиссякаемым интересом к человеческим судьбам».

В публикацию включены письма, адресованные И. И. Еренбург, двух ее корреспондентов, близких друзей, живших до начала 1990-х гг. в Молдавии. Людмила Григорьевна Ярошевич родилась в 1945 г. Окончила

Тираспольский педагогический институт. Филолог. Работала в отделе писем редакции газеты «Советская Молдавия» в Кишиневе, затем корректором в той же газете. С 1996 г. живет в Израиле. Второй участник переписки — Александр Наумович Тарнопольский. Он родился в 1936 г. (?). Коммивояжер. До отъезда в Израиль также жил в Кишиневе.

В письмах этих людей, субъективных свидетельствах реальных лиц, на наш взгляд, сочетается уникальное и типическое, единичное и массовое, частное и общее. В них, как в зеркале, отражены все издержки переходного периода некогда единой страны, становления государственности обретших независимость республик, а также подробно-личностные, но и совершенно типичные истории переселения и адаптации советских евреев в Израиле. Порой корреспонденты И. И. Еренбург пытаются осмыслить свою судьбу, подвести итоги, и размышления эти звучат удивительно благородно, стоически, несмотря на все, что пришлось испытать «маленькому человеку» за годы всех пертурбаций.

Использование в исторических исследованиях материалов личного происхождения, таких как письма, должно помочь достижению двуединого и по-своему интегрированного видения настоящего и прошедшего, которое основывается на существовании двух дополняющих друг друга позиций: одной, стремящейся к объективности, и другой — субъективных свидетельствах очевидцев — участников анализируемых процессов. Ценность этих источников в том, что они позволяют насытить историю российского зарубежья «человеческим» содержанием.

Письма публикуются с разрешения авторов. Опущенные строки писем выделены точками в квадратных скобках. Даты и места написания писем в соответствии с правилами приведены в начале документов.

МОЛДАВИЯ — ИЗРАИЛЬ. «ЧЕМ ДОЛЬШЕ Я ЖИВУ В ИЗРАИЛЕ,
ТЕМ СИЛЬНЕЕ УБЕЖДАЮСЬ, ЧТО ЖИЛИ МЫ В УЖАСНО
ЗВЕРСКОЙ СТРАНЕ» (из писем Л. Г. Ярошевич к И. И. Еренбург)

№ 1.

11 июля 1991 г.,
Кишинев

[...] У нас все более или менее нормально, если не считать «все-ленского потопа» на нашу несчастную Молдавию. Страшно в этой истории то, что все ядохимикаты, мазут, все гадости пошли в землю, в реки. Вода сейчас в ужасном состоянии. Но мы, как муравьи и тараканы, сколько их и чем ни трави, а они живы, вот так и мы.

Вчера вечером была по телевизору прекрасная передача о нашем зарубежье. Рассказывали внука Л. Толстого и сын В. Иванова. Очень было интересно, и особенно потрясли меня [высказывания] Иванова. Рассказывая об Италии, он сказал, что нас с жизнью примиряет искусство. Как глубоко и умно замечено.

Дописываю уже 17-го в поезде. Еду в Бендеры — попрощаться со своим братом. Уезжает в Израиль со своей русской женой и двумя детьми...

Недавно прочитала 25-й номер «Огонька» с необыкновенной статьей. Напишу одну мысль оттуда, чтобы ты поняла суть статьи: «Вот так мы без каких-либо кошмарных эксцессов, одной лишь хозяйственной разрухой и угрозой «пустить судорогу» (имеется в виду погром, наверное. — Л. Я.) сделали реальной ситуацию, когда мы, русские, останемся без русских евреев, еврейский вопрос в СССР будет решен окончательно и бесповоротно». И еще: «Евреи, конечно, уедут, одни — с радостью, другие — с горечью, третьи — с отчаянием. Уедут те, кто твердо знает, что надо уехать, и те, кто твердо знает, что надо остаться. Те немногие, что и впрямь останутся (это я с Додиком)¹, не изменят общей картины отъезда. Все уедут, и не от страха — от унижения... Уедут евреи и полукровки, и квартироны, и кто не записан, и породненные, и чисто русские, и чисто-чисто-русские, так до конца и не осознавшие всех преимуществ своей чистоты, но не вынесшие всех унижений этой страны»². Не дай Бог, чтобы сбылось это предсказание. И так страшно, что уезжают близкие и друзья, соседи, но все равно хочется надеяться, что все успокоится, и останется этот страшный процесс бегства из нашей страны. [...]

№ 2.

18 июня 1992 г.

Кишинев

Здравствуй, Инесса!

Спасибо тебе за добрую весточку. На общем фоне ужаса и ма-
разма, творящихся здесь, твои теплые письма для меня благотворный
бальзам.

¹ Муж автора писем.

² Цитирование не совсем точное. У Ю. Карабчиевского, слова которого приводятся в статье, опубликованной в «Огоньке», сказано: «...и чисто-чисто-чисто русские, так до конца и не осознавшие всех преимуществ своей чистоты, но не вынесшие своего ли, чужого ли унижения и позора» [см.: Гаврилов].

У нас, к сожалению, с положительными эмоциями очень сложно. Люди убивают друг друга. А я не хочу никого ненавидеть, хочу залечь на дно и переждать эту ужасную перестройку.

С «отдушинами» стало очень сложно, трудно. Так, балет, можно сказать, распался. Все ведущие пары разбежались, кто в Чили, кто в Румынию, а кто и в Израиль. Оперная труппа дала последний спектакль — премьеру «Паяцы» и уезжает на гастроли во Францию. Лето их не будет. В филармонии отправили музыкантов в длительный отпуск без зарплаты, сезон закрылся. Русский театр через газету просит милостыню, т. к. правительство перестало давать им дотацию. И если не найдутся предприниматели, которые будут их содержать, театр «прикажет долго жить». Остались еще книги и транзистор, где все меньше музыки, а больше политики.

Еще работаю, хотя это не доставляет того удовольствия, что раньше, слишком пакостно то, что я в нашей газете читаю, но все же успокаиваю себя, что при страшных увольнениях это не самый худший вариант.

Все бегут, как крысы с тонущего корабля, что тоже не прибавляет настроения. Даже брат мой стал задумываться, предполагает уехать в ФРГ. Даже муж мой, мученик великий, стал жалеть, что отговорил детей уехать в Израиль. Но поезд ушел. Будем сидеть до конца, пока нас не перережут здесь. [...]

№ 3.

3 октября — 6 ноября 1992 г.

Кишинев

[...] В конце июля началась война в Бендерах. Были очень большие переживания за город, за знакомых, друзей, родных. К счастью, все остались живы и успели сбежать из этого ада. Родной брат с семьей перебрался через мост в Тирасполь, а оттуда в Одессу. Во всем этом ужасе меня потрясло, тронуло отношение евреев к своим собратьям. Уже на второй день после этой бойни прилетел посол из Москвы, и начали обдумывать планы спасения людей. Все дни автобусы выезжали в районы боевых действий и вывозили несчастных евреев. Подбирали старух, калек, которые сами не могли выбраться. Здесь же их расселяли в лучшие гостиницы города. Давали пособие, бесплатно кормили. Вот таким же автобусом в один из дней приехала из Бендер моя двоюродная сестра. Одно дело, когда обо всех событиях я слухала по радио, читала в газете, а другое — когда она сама все это рассказала. Все это настолько потрясло меня, что я предложила дочке

уехать отсюда, тем более что беженцам стали срочно оформлять документы в Израиль. В первый момент Марина восприняла мою мысль в штыки, но, проспав ночь и хорошо подумав, она на утро сказала, что созрела для отъезда. Уже на третий день документы были в ОВИРе... Особой договоренности, как будет «там», у нас не было. Но вдруг позвонили и предложили помощь родственники Додика, на что я с большой радостью согласилась... Уезжала она из дома в ужасном состоянии, а в аэропорту еще началась истерика, какие-то переживания были и на таможне, т. к. она уезжала с двумя сумками, и они никак не могли поверить, что она не везет ни доллары, ни золото. Да, домой мы приехали убитые, разбитые, в ужасном состоянии. К счастью, на этом (пока) наши несчастья кончились. «Там» помощь была не на словах, а на деле. Ее прекрасно приняли, отчего настроение ее сразу улучшилось, и до сих пор оно у нее близко к эйфорическому. Устроили ее в военный кибуц, где она с 21-го октября изучает язык, полдня работает. Питание и жилье бесплатно, да еще получать будет 50 долларов в месяц. А месяц, что оставался до начала учебы (были еврейские праздники), она подрабатывала, ухаживала за ребенком.

Скажу откровенно: отправляя ее туда, больше всего боялась ее отторжения от евреев, чужого языка, т. к. здесь у нее всегда все по-другому, друзья были русскими, а язык до того чужой и сложный, что представить не можешь (я выдержала только три занятия). Но Бог меня пожалел, т. к. все эти волнения оказались напрасными: язык она учит с удовольствием, и он у нее «идет», как она пишет.

...Подумываю, как бы мне еще такую же аферу, как с дочкой, с сыном провести. Но это будет еще сложнее...

Да, в таком возрасте, как у нас, уже менять ничего нельзя: ни родину, ни язык, ни друзей, ни свои привязанности, потому-то я и никуда не рвусь, т. к. знаю, что как здесь ни тяжело и сложно, но это мое, к этому я привыкла, это моя жизнь. А вот дети — это другое дело. Они молодые, им легче все менять. [...]

№ 4.

31 октября 1993 г.

Кишинев

[...] Насчет «евреев, когда их много». Полностью с тобой согласна. И даже больше. Все общества, которые были созданы в Кишиневе: болгарское, еврейское, украинское и т. д., — сначала дали положительные ростки, люди потянулись по национальному при-

знаку, но скоро убедились, что только это не может объединить их. Они все передрались. Ну а у евреев это сказывается в более худшем варианте. Прекрасно это подметил Э. Севела, который в романе «Остановите самолет, я слезу» сказал: «Каждый еврей на своей родине старается сделать все самое хорошее, но когда они собираются все вместе — это говно». Грубо, но правильно. Но еще лучше сказал необыкновенно талантливый Игорь Губерман, который уехал в Израиль в 70-е годы. Он окончил два института, посидел в тюрьме за свои стихи, а потом уже уехал. Долго не хотел уезжать по причине:

Сомнения мне душу изранили,
И печень до почек проели:
Как славно жилось бы в Израиле,
Когда б не жара и евреи.

Так вот, прожив там 20 лет, он сказал, что его стишок остается актуальным. [...]

№ 5.

26 сентября 1996 г.

Кишинев

[...] С детками все очень сложно. Но Марина уже кончила колледж и, слава Богу, «эра ресторанов», где она раньше работала, кончилась. Сейчас работает в частном детском саду. Летом съездила с другом в Грецию. Израиль воспринимает как свою семью, где что-то нравится, что-то нет, но зато свое. Да и нас зовет к себе. [...]

№ 6.

29 июня 1998 г.

Нацрат Илит

[...] Уехала я сюда к дочери на свадьбу и здесь осталась, т. к. в противном случае надо было бы ехать в Германию. С моим диагнозом (рак) оставаться больше в Молдавии не было смысла. Ни лечения, ни обследований, ни нормальной пенсии там не имела. В то же время тянуть своего мужа-трудоголика сюда тоже не решилась. Время показало (пока), что все сделала правильно. Не думаю, что в Германии (хотя туда бы мы уехали вдвоем) мне было бы так душевно спокойно, как здесь. Только не воспринимай мои слова дословно, что в Израиле рай. Наоборот, очень и очень тяжело и сложно, особенно молодым. Считаю, им просто повезло, что меня порекомендовали к 78-летнему старику, которого я обхаживаю. Это дает мне приличный доход, хотя

ни он мне не платит, ни я ему. Но по болезни я получаю пособие, которое здесь мизер, но, собирая даже этот мизер, я уже скопила часть денег на покупку квартиры, о которой дико мечтаю. Старик очень своеобразный, прожил абсолютно другую жизнь, в отличие от нас с тобой. Ты же знаешь, какую жизнь я прожила. Да, на мне были дом, дети, работа, но мои концерты, спектакли, книги, друзья, встречи — это была отдушина. Жаль только, что, когда я добилась от Додика признания своей свободы, заболела. Но ничего, могу тебе признаться, что моя болезнь еще больше обострила все самое ценное в этой жизни. Каждый день для меня счастливый, радуюсь всему, как ребенок, не обращая внимания на очень много отрицательного, что мне ни понять, ни принять. А развернуться здесь, к счастью, есть где. Ходим на просмотр изумительных видеофильмов. Уже просмотрели и прослушали «Бал-маскарад» (пел П. Доминго), «Кармен», «Манон Леско» и многое другое. Обязательно посещаю интересные меня лекции. Вчера была на музыкальной лекции «Стихи, произведения Пушкина в творчестве Чайковского». Слушали отрывки из «Евгения Онегина», «Русалки», «Пиковой дамы». Закончила мой абонемент прекрасных симфонических концертов и сейчас, гуляя с ребенком, зарабатываю себе деньги на следующий абонемент. ...Короче, живу на «полную катушку», а если грубо выразиться — жизнь меня насилует, а я, нахалка, еще хочу получить от нее удовольствие. Да, еще читаю (здесь прекрасные библиотеки), и весь год ходила на курсы изучения языка. Не могу похвастаться, что многое усвоила, но хоть чуть-чуть «лес раздвинулся», и с сентября опять буду учиться. Хозяину моему такой жизни не понять, но после очередного скандала по поводу моего ухода я сказала ему о своем диагнозе, предупредив, что если у меня даже два дня останется жизни, то и их я проживу так, как я хочу. Больше, чем я делаю (кормлю его, стираю и убираю очень добросовестно), делать не могу. Уйти мне есть куда.

С Додиком идет интенсивная переписка. Очень скучает. Уже даже решил приехать, но документы из-за моего нелегального приезда не в порядке. Может быть, мне придется съездить для этого туда, хотя абсолютно не тянет. [...]

№ 7.

10 ноября 1998 г.

Нацрат Илит

[...] Слишком переживаю о муже, о решении, которое он примет, а может быть, и нет. Лето уже прошло, вот уже пошел первый дождь,

и есть о чем писать. Самое главное и чудесное, что я жива, на ногах и, сидя, т. е. работая у старика, собрала приличную сумму, чтобы думать о покупке квартиры. Это та «голубая мечта», о которой я думаю постоянно. Но чтобы у тебя не сложилось впечатление, что вся моя жизнь только в работе, чуть-чуть опишу свой круг «отвлечений» от этого нелегкого существования здесь. Начну с того, что чем дольше я нахожусь здесь, тем меньше понимаю людей, которые бросают все, а особенно сложившийся уклад, и бегут сюда, надеясь найти рай, в мечтах, что именно здесь смогут реализовать свои неиспользованные таланты. И вот тогда начинается ужас, депрессия, ностальгия. Сюда можно ехать только в двух случаях: от голода и от погрома. И с мыслью, что, Господи, как исключительно прекрасно и чудесно, что у нас есть тот малюсенький уголочек, местечко (песок, камни, скалы, пустыня), где мы под защитой своего государства, своего народа. И вот именно те, которые приехали, пришли, доползли, спасаясь от фашизма, погромов, сумели сделать из этой пустыни, дикого малярийного места и болот государство, которое имеем сегодня. Вот я из той категории, которая приняла Израиль таким, какой он есть. Да мне и грех жаловаться вообще. Не работая здесь ни дня, я получаю приличное пособие, на которое можно жить. Нахожусь под контролем врачей и мечтаю только об одном, чтобы Господь продлил годы жизни, чтобы у меня была своя маленькая квартирка, а уж положительные радости и эмоции я и там, в Молдавии, находила, а здесь тем более. И если чем недовольна, то тем, что старик, за которым я ухаживаю, не дает развернуться в полную волю. Его тоже можно понять. Ему одиноко, и он просит, чтобы я постоянно была с ним. Я же, сделав быстренько все домашние дела, так и думаю, как побыстрее сбегать. Вот так мы и воюем. И так как у него нет выбора, а у меня квартиры, стараемся как-то сосуществовать. Почти каждое утро, пока он спит, иду гулять, поднимаюсь на вершину изумительно красивой горы, которую выкупил Черчилль и подарил Израилю. Два раза в неделю еду на общественных началах работать в армию. Один раз в неделю хожу на изучение иврита. Десятимесячные курсы я уже кончила, а теперь дальше занимаюсь, но успехов еще никаких не вижу. Для этого языка нужна память, а у меня ее давно уже нет. Раз в неделю, по средам, хожу в музыкальный клуб, где смотрим исключительные видеозаписи мирового уровня. Вот вчера слушали, смотрели фильм «Аида». Играла Софи Лорен, а пела знаменитая Рената Тибальди. Да еще купила себе два музыкальных абонементов, а если еще вспомнить чудесные лекции, которые стараюсь не пропустить, по-

следняя была 19 октября, когда три профессора литературы читали нам Пушкина, то можно понять моего старика, его недовольство мною. Но все это я уже пережила в Кишиневе. Додик только после моей болезни понял, что театр, музыка — это та отдушина, которая помогала мне выжить, а после болезни — и подняться с того света. Не могу решиться приказать ему приехать сюда. Очень боюсь депрессии, т. к. с работой здесь очень сложно, а он по натуре трудоголик. Сын даже не думает ехать, спит и видит, чтобы Додик поскорее уехал, т. к. ему хочется спокойно пожить со своей девицей. К счастью, дочка здесь проблем мне не делает. С мужем живут хорошо, оба работают, собираются сейчас отдыхать в каком-то фешенебельном отеле. [...]

№ 8.

28 июня 1999 г.

Нацрат Илит

[...] Никогда не думала, что еще смогу так много работать. Приехала сюда (а прошло уже два года) еще очень слабой, неокрепшей. И эта земля как будто подпитала меня новыми соками, дала силы, второе дыхание. Это заметили мои соседи. Видимо, за два года, присматриваясь ко мне, увидели, что более добросовестной дуры им не найти, и предложения посыпались со всех сторон. Пришлось даже оставить благотворительную работу в армии и взяться за «материальную» работу. Тем более что все пособие, которое получаю, оставляла на банковском счету, а на билеты уже денег не было. И вот сейчас я имею ребенка, которого вожу и привожу из сада, двух бабулек, одна из которых мне поет чудесные старинные еврейские песни. Я уже не говорю о домашней работе у хозяина. Здесь все поставлено на свои места. Даже самой не верится, что за такой короткий срок мне удалось приучить его к мысли, что домашняя работа — это труд, причем не любимый. А любимое — это ежевечерние или прогулки (на худой конец), или концерт, или спектакль. И даже вот уже два вечера подряд я прихожу домой к 12 ночи (концерт симфонической музыки в соседнем городе и выступление артистов балета Большого театра). И все тихо. Работа дает возможность не экономить на билетах, т. е. не на качестве, а на количестве, да еще собрать сумму денег, чтобы по приезду Додика купить хоть самую маленькую квартиру. А его приезд уже приближается. И очень быстрыми темпами. Не последнюю роль в этом сыграло несколько факторов. Первый — 1-го декабря в собственной постели ночью убили мою лучшую

несчастную одинокую подругу. Его не раз вызывали к следователю в надежде узнать что-либо об ее знакомых. Его это очень потрясло. Ну а второе — стосковался по мне, понял, что я тут не то что не «померла» (а это предрекали мне все), а наоборот, живу и процветаю, да еще зарабатываю на квартиру. Выбор был сделан самостоятельно. Я его не то что не уговаривала, а даже предупредила, что если по приезде сюда начнет хныкать и ностальгировать, тут же куплю билет и отправлю обратно. Ни одного плохого слова (хотя здесь ох, как далеко от рая) слышать не хочу об Израиле. ... Немного огорчает, что не занимаюсь языком, но все мечтаю, что с приездом Додика буду работать меньше, и вот тогда... [...]

№ 9.

22 августа, 1999 г.

Нацрат Илит

[...] Чем дольше я живу в Израиле, тем сильнее убеждаюсь, что жили мы в ужасно зверской стране. Здесь, конечно, очень и очень нелегко, но я счастлива, что Бог помог мне принять правильное решение и не дал польститься на «легкие» деньги Германии. Уже было несколько очень сложных событий в мире. И, видя отношение Израиля к ним, считаю, что это самое человеческое и передовое государство. Хотя и здесь очень много балласта, особенно приехавших из нашего СНГ. [...]

№ 10.

31 мая 2001 г.

Нацрат Илит

[...] Немного о своих близких. Додик адаптируется неплохо, очень добросовестно учит язык. Дай только Бог, чтобы он ему пригодился, т. к. возраст — 58 лет — не дает возможность попасть на профессиональные курсы, а это значит, что нужно будет надеяться на частные уроки, которых здесь почти не бывает. ... С покупкой своей квартиры вопрос пока не решен, может быть, мне дадут инвалидность, и тогда получу государственную квартиру. ... Брату моему хорошо живется в Германии. Он как-то преотлично получает в Германии пособие, уже и квартиру получил, а большую часть времени живет в своей квартире в Бендерах, благополучно помогая своим детям. [...]

№ 11.

10 июля 2001 г.,

Нацрат Илит

[...] За полтора года произошли следующие «глобальные» события. Приехал муж, к приезду которого была снята чудесная, на втором этаже двухкомнатная квартира, в которой живем до сих пор. Куплены новый холодильник, стиральная машина, телевизор, газовая плита. Пока он занимался на курсах изучения языка, проблем не было. Очень боялась, что затоскует по работе. А он из тех, кто «улицы подметать» не пойдет. Да и руками делать ничего не может. И Бог помог мне в очередной раз: совершенно случайно нашла ему работу на почте. Все его исключительные качества: честность, порядочность, память, умение работать с деньгами, добросовестность — оченьгодились. Первые полтора месяца работал бесплатно, а сейчас уже получает вполне приличную сумму, которая позволяет нам жить вполне прилично, если бы еще он по своему характеру не боялся тратить деньги. Я же через пару месяцев после его приезда сделала очередную маммографию, после которой срочно послали на дополнительный анализ, а оттуда сразу на операцию. Удалили злокачественную опухоль. Почти год из-за плохих анализов крови длилась химиотерапия. И то курс так и не прошла. Назначили облучение, 33 сеанса, которые проходила в больнице в Хайфе. А в это время у дочки после продолжительного лечения родились двое деток, мальчик и девочка. Радость была огромной, но у мальчика были проблемы, из-за чего он был полтора месяца в больнице, а потом еще был подключен к аппарату, но уже дома. Сейчас, слава Богу, все хорошо. Скажу больше. За время пребывания в Хайфе на лечении ходила (ножками, 5 км) к дочери гулять с детками, по вечерам, да и утром были музеи, концерты, спектакли, прогулки. А если учесть, что жила в гостинице (шикарной) в двухместном номере одна, где еще плавала в бассейне каждый день, то поймешь, какие «римские каникулы» мне подарил Израиль. Да и сейчас веду жизнь необыкновенно интересную. Так как неплохо себя чувствую, то продолжаю «обхаживать» (один час в день) свою любимую соседку. Это дало мне возможность не пропустить ни одного приличного концерта, да еще купить себе путевку в Париж на восемь дней. Вот уж никогда не думала, что мало того что выживу после очередной передрыгги, да еще слетаю в Париж. Да и кроме этого раз в неделю езжу на изумительно интересные экскурсии, после которых Израиль стал еще более дорог и как история всего человечества, и как святое место (в том числе для

меня). ...А какие интересные лекции по истории, искусству, литературе слушаю! Купила абонемент на концерты симфонической музыки. В общем, каждый вечер ухожу (муж дома с газетами и телевизором) в шесть часов, а прихожу к десяти. Стараюсь ходить пешком и норму свою в 10 км выполняю. Зато утром, как мышка, сижу дома. Уж очень жарко. Читаю, занимаюсь хозяйством. Сыночка в Кишиневе вполне прилично (так говорит) живет в нашей квартире. Скоро ждет прибавления семейства. Ехать не хочет, да и я не зову, т. к. ничем ему здесь помочь не смогу. Молодые здесь работают очень тяжело, а если учесть ну очень нестабильную политическую обстановку, то никаких советов никому также дать не могу. И даже больше. Иногда думаю, что если бы мне пришлось проделать еще раз тот путь, который я прошла, то вряд ли бы согласилась. Хотя рада и счастлива, что Бог в последний момент подсказал мне мысль отказаться от Германии и прилететь в Израиль. Здесь мне все родное и никакой ностальгии по Кишиневу не чувствую. [...]

№ 12.

25 августа 2001 г.

Нацрат Илит

[...] Несмотря на свою ужасную болезнь, на плохие анализы, не перестаю благодарить Бога, что дарит еще годы жизни, что на ногах, что материально ни от кого не зависима, что имею еще силы заработать тот материальный «кусочек», который даст возможность вести безумно интересную жизнь. [...] Есть кое-какие сдвиги насчет получения государственной квартиры, т. е. разрешение уже есть, а это значит, что в течение года, может быть, будет свой угол. Хотя и съемная квартира необычайно удачная. С детками не все складывается так, как хотелось бы, но в очередной раз благодарю Бога, что я от них независима и могу позволить себе роскошь жить так, как я хочу, а не как они. У них, слава Богу, свои семьи, уже свои дети (у сына в Кишиневе второй месяц сыну Александру), и они содержат свои семьи сами. Додика до сих пор в Израиле очень многое раздражает, хотя ни для кого (а особенно для меня) адсорбция не была такой мягкой, как для него. И если учесть, что и работу (и очень даже приличную, связанную с «головой», а не «подметанием улиц») ему нашла, то прихожу к выводу, что чем больше делаешь для родных тебе людей, тем больше получаешь (в основном ударов, а не подарков). Но изменить нас нельзя. [...]

№ 13.

5 декабря 2001 г.

Нацрат Илит

[...] Здравствуй, мой дорогой дружок Инесса!

Наконец-то позади переезд на новую квартиру и могу уже написать свой новый адрес. До сих пор не верится, что смогла повернуть ну очень глобальную задачу (других не выполняем) — убедить Додика сделать полный ремонт квартиры. Дело в том, что это государственная квартира и потому многие не хотят вкладывать в нее деньги. Поэтому она и была в очень запущенном состоянии, хотя косметический кое-какой ремонт был сделан. Я же посчитала, что, сколько бы мне ни осталось жить, я хочу их прожить в нормальных человеческих условиях. А потому поменяла всю сантехнику, облицовала туалет, душ, кухню, положила керамику на пол. Думаю, что в Кишиневе мне бы это материально никогда не удалось, а здесь это стоит не такие сумасшедшие деньги, да и очень пригодились денюжки, которые Додик зарабатывает. Осталось еще кое-что прикупить, но все это уже мелочи. Главное, что кухня просторная, а с технического балкончика я постоянно любуюсь зеленой травкой, огромным кустом алоэ и высочайшими кипарисами. Да и сам переезд занял всего пару часов. У Додика постоянно был страх и ужас и перед новой квартирой, и боязнь, что не сможет спать из-за шумной улицы. Но и эти страхи оказались позади, и я потихоньку все расставляю по своим местам, а вечерами, конечно, как и раньше, дома не сижу. Почти каждый вечер есть интересные мероприятия. А накануне переезда была на изумительном симфоническом абонементном концерте (Бизе, Дебюсси, Мендельсон). Свой день рождения, 56 лет, отметила любимым способом — пригласила своих любимых друзей на экскурсию в самое прекрасное по красоте место Израиля — Зихрон-Яков. Этот город получил название в честь отца Эдмонда Ротшильда, Якова. А сам город осваивали первые поселенцы, которые выкупили землю у арабов. Но настолько это было гиблое и болотистое место, что они отправили петицию в Париж к Ротшильду с просьбой помочь им материально. Ротшильд поставил два условия — назвать город именем отца и... работать: осушать болота, высаживать виноградники, а он будет все оплачивать. Труд был тяжелейший, не раз они ехали с жалобами, но ты бы видела, какой божественной красоты там разбит парк, где покоится и сам Ротшильд, и его жена!!! Да и сам город очень красив. Вот там-то я и устроила «завтрак на траве». Все, в том числе и Додик, были довольны.

За это время побывала на многих экскурсиях, особенно понравилась последняя — в Иерусалим, в музей Израиля. [...] Сам музей — мирового уровня по количеству подаренных картин самых великих художников. Только накануне интифады одна американская семья в знак солидарности с Израилем подарила картину Рубенса. Даже неизвестного Левитана я там нашла.

А на каких чудесных лекциях бываю! Об одном из лекторов и экскурсоводов даже заметку в газету написала, т. к. до сих пор поражаюсь, как эта маленькая страна, меньше моей Молдавии, которая постоянно живет вот уже 50 лет в состоянии войны, может создать для обыкновенных людей (а я нахожусь на самой низшей ступеньке социальной лестницы) такие достойные условия — и материальные, и духовные. Не скажу, что Додик так же доволен всем, как я, но это его право. Марта же с Володей меня полностью поддерживают, а я счастлива, что живу, что болезнь чуть-чуть стабилизировалась...

С детками тоже более-менее все в порядке. Марина в основном справляется с ними сама. Им уже скоро по одиннадцать месяцев. Привыкли к яслям, но частенько болеют. Я приезжаю, когда они болеют. На работе ее ценят и, что самое главное, имеет очень большую помощь от мужа. Сыну частенько позваниваем. Также справляются сами. Есть проблемы с работой, и он даже намекнул, что если будет хуже, то придется ехать к нам, чего я очень боюсь. Здесь молодым очень тяжело, тем более что руками он мало что умеет делать. Но эти вопросы решать не мне. Главный вопрос я решила — квартирка у меня прелестная, и теперь главная задача — хоть пару лет прожить в ней. [...]

№ 14.

24 февраля 2002 г.

Нацрат Илит

Здравствуй, мой дорогой дружок Инесса!

[...] К сожалению, генеалогическое дерево строить мне не из чего. Дедушек и бабушек не знала. Самая «теплая» и родная сторона были мамыны. Мы жили в Бендерах, город пограничный, который до 1940 г. был румынским, а река Днестр была тем разделом, который поделил Россию и Румынию. И именно через нее ушли два маминых брата «строить коммунизм». А что из этого вышло, ты знаешь³.

³ Годиш Исаак Григорьевич (род. в 1904 г.) и Лейзер Григорьевич (род. в 1910 г.) были репрессированы в 1938 г. по обвинению в шпионаже в пользу Румынии и расстреляны в окрестностях г. Свердловска, на 12 км Московского тракта.

Бабушка с дедушкой погибли при оккупации немцев. Мама старалась, отдав меня в русскую школу (другие-то были сразу уничтожены), не вводить меня в курс нашей родословной, евреев. Я выросла в абсолютно ассимилированной семье.

...И вот за 10 лет все так перевернулось. И даже (очень осторожно и постепенно) начинаю приходить к мысли, что все, что ни делается, делается свыше. И в пятницу после захода солнца зажигаю шабатные свечи... [...]

№ 15.

5 января 2005 г.

Нацрат Илит

Здравствуй, мой дорогой дружочек!

Пишу, а самой не верится, что переползла в 2005 г., а это значит, что пошел 11-й год моего счастья Жизни. Даже будучи здоровой, еще учась на 2—3 курсе, когда нам преподавали философию и политэкономии, то преподносили «пророческие» слова Хрущева, что в 2000 г. мы будем жить при коммунизме. Это ж какая я была дура, что серьезно подсчитала, что в том году мне будет уже 55, неужели я доживу до таких древних лет и увижу своими глазами коммунизм? Прошли годы!.. И я после всех своих передрыг дотягиваю до 60-ти и... живу при настоящем коммунизме!!! И в своей по-настоящему родной стране [Израиле], который дает мне возможность жить с достоинством, никогда не чувствуя себя униженной. Это даже при том, что нахожусь здесь на самой низкой социальной и материальной «лестничке». [...] И я благодарна этому государству.

«...САМ НЕ ЗНАЮ, ЖАЛЕТЬ МНЕ ИЛИ НЕТ, ЧТО УЕХАЛ»

(из писем А. Н. Тарнопольского к И. И. Еренбург)

№ 1.

15 апреля 1991 г.

Горький

Здравствуйте, уважаемая Инесса Иосифовна!

[...] 10/IV мне было велено выехать в г. Горький, но т. к. до этого не было возможности заказать заранее билет, то прилетел по назначению позавчера, 13/IV вечером, до 11 вечера искал гостиницу, и вот сижу уже третьи сутки на высоком берегу Оки на 6-м этаже гости-

ницы «Нижегородская» с видом на Оку, Волгу и стрелку, где они сливаются. Из окна видны три моста (два через Оку и один через Волгу). Все это — значительная географическая точка на карте СССР, и было бы красотой, если бы на душе было веселее, а для этого рядом должен быть такой нестигаемый оптимист, как Вы.

Ведь 28/III я получил разрешение на выезд в Израиль, к моим детям. Им трудно, но они молоды, и у них все нормально: сын уже работает на постоянной работе, а невестка учится на повышенных курсах бухгалтеров, а потом будет искать работу. Школу языка они уже закончили...

...Голова чуть прошла, а тоскливые мысли — нет. А размышлять, увы, есть над чем. Мой отъезд за границу, где я абсолютно буду лишен языка, работы, личной жизни, своих личных стремлений и желаний — все это ускоряет мое старение и ускорит кончину. Душевной поддержки не жду ни от кого, так же, как я не имел ее от своих ранее здесь, а тем более там, где все другое: духовные ценности, понятие дружбы, целесообразность в распределении времени, цели жизни и т. д. и т. п. [...]

№ 2.

*Без даты
Хайфа*

[...] Целыми днями ездил на велосипеде по округе в поисках работы. Наконец нашел: рабочим на частном заводе гальванопокрытий металлоконструкций. Если учтете мой возраст и катастрофическую безработицу, а также бездеятельность правительства по созданию рабочих мест, то можно сказать, что мне крупно повезло. Работа адски тяжелая: 35-градусная жара плюс огромная влажность. Пот заливает глаза, одежда весь день мокрая — от пота и от воды: становлюсь под кран во всей одежде. Встаю в 5 утра, начинаю работать в 6 часов до 15 часов с двумя получасовыми перерывами на питание — в 9 и в 13 часов. Иногда разрешают остаться и еще поработать. Если нет, еду на велосипеде домой. По пути останавливаюсь в тихом скверике. Сажу, читаю, пишу даже письма в СНГ (дома не получается). Но ответы получаю, увы, не всегда. Мысленно брожу по Свердловску и сам не знаю, жалеть мне или нет, что уехал⁴. [...]

⁴ Интересно ознакомиться с данными, полученными в 1993 г. Институтом «Тапсит» в результате проведенного по заказу министерства абсорбции Израиля исследования положения новых репатриантов — выходцев из стран СНГ. Вот его результаты:

№ 3.

5 декабря 1992 г.

Хайфа

[...] Сегодня очередной день отдыха в нашей лилипутской стране, но я его честно отработал по приглашению хозяина и заработал не 20 долларов, как в обычный день, а 40. Но еду я на работу не столько ради денег, сколько чтобы избежать домашней нервозности, а после работы есть возможность (благо, что еще светло) посидеть в моем любимом «клубе под открытым небом» — скверике, а сегодня вообще чудо — нет дождя, и я могу поговорить с Вами. Особых новостей нет кроме того, что сегодня, 5 декабря, — День сталинской конституции я начинаю считать вторым моим днем рождения. Дело в том, что сегодня на работе с 5-метровой высоты в 2-х метрах от меня упали 12 металлических столбов уличного освещения (после их гальванизации) температурой 500 градусов. Если бы на меня, то месиво от меня тут же бы испарилось... И вознеслась бы моя душа... очень высоко! Техники безопасности тут вообще нет никакой, и хозяева даже не знают (и не хотят знать), что это такое. Так что любой мой рабочий день может стать последним... [...]

№ 4.

10 сентября 1994 г.

Хайфа

[...] Ты, конечно, права, дорогой мой друг, травма вышибла из седла вот уже на 8 месяцев.

Была комиссия, определявшая, сколько еще будут платить больничные (75 % среднего заработка). Но ответа пока не знаю — придет

37,4 % трудоустроенных работают по специальности, 47,9 % — на полную ставку;

25,8 % репатриантов приобрели собственные квартиры, 34,3 % — автомобили;

приобретение жилья пропорционально степени занятости: купили квартиры 34 % работающих репатриантов и 12,9 % — не нашедших пока работу;

52,5 % считают, что их положение изменилось к лучшему, 30,9 % не видят никаких улучшений;

43,9 % отмечают, что не сомневаются в правильности решения репатрироваться в Израиль; 20,8 % думают, что им не придется жалеть о сделанном; 16,7 % затрудняются ответить на этот вопрос; 8,7 % не приняли бы такого решения повторно; 9,8 % жалеют о приезде в страну;

76,8 % не намерены когда-либо уехать из Израиля; 6 % не уверены, что не покинут страну в будущем; 17 % рассчитывают поменять страну в течение ближайших пяти лет [см.: Штерн].

письмо. Предстоит также другая комиссия, определяющая, сколько и как еще лечить травму. Плюс ко всему почувствовал боли в паху: оказалась небольшая грыжа.

Теперь жду консилиума врачей, после чего — операции по ее удалению. Опять какое-то время — в больнице. Так что радости впереди не предвидится. Все свободное время уделяю внучке (кормлю, провожаю в школу, встречаю у школы, опять кормлю и жду прихода сына с работы). По вечерам езжу на «велике» учить иврит, два раза в неделю езжу на электролечение и живу от комиссии до комиссии. Успокаивает, что хозяин возьмет обратно на работу после выздоровления. И дома с внучкой нервозности много, поэтому пытаюсь «убеждать» в изучение языка, в газеты, в видеофильмы. Каждую пятницу беру напрокат две кассеты с фильмами. Смотрел «Тюремный романс», «Окно в Париж», «Увидеть Париж и умереть», «Серые волки», «Не будите спящую собаку» (Абдулов, Смоктуновский) и др., не говоря об американских фильмах. Друга, Вам подобного, нет, и вряд ли будет, т. к. тут еврейские женщины смотрят не на человека, а в его карман (в этом ты — действительно русская)...

...Тут есть десятки примеров как положительного, так и отрицательного восприятия Израиля. ...И еще. Ты пишешь, что, видимо, пишешь в последний раз. Почему? Понятно, что при стоимости письма 1198 руб. и при твоих доходах не особенно разгонишься с писанием таких писем, но ведь не обязательно посылать целые газеты, а можно лишь отдельные заметки и чтоб стоило письмо, как обычно — 140—150 руб. Хотя и это фантастически дорого... Но — есть казис; может быть, понадобится кому-то материал в газету, и будет гонорар. В общем, смотри сама, при такой стоимости я даже не смею надеяться, что получу еще что-либо от тебя, но очень надеюсь, что увижу тебя здесь, в стране теплой, сытой, гостеприимной, где тебе будут рады и где тебе будет очень интересно.

Ручаюсь, что это будет самая интересная поездка в твоей жизни.
Александр.